того, что и я, старшей адмирал, верно им, государем, служил, и впредь в верности услужить во всем непременно обещаюсъ". Тогда российский матроз, оное выслушав от адмирала, рече ему: „Господин адмирал, готов завтрашняго числа к вам быть и в том вы извольте надежду иметь, что твоей просьбы не оставлю!". Тогда адмирал, поклонясь российскому матросу, яко своему государю, и поехал с великою надеждою на пристань. А как те флоренские афицеры с адмиралом своим завсегда были во дворце у российского матроза, то им от него великая честь имелась быть, и многие им для своей чести и славы давал червонные. И от них, приезжих флоренских афицеров, восприял великую честь и славу, яко такой чести своему адмиралу не воздаваше, и между собою об нем слово говорили доброе и похвальное и нарекали ево милостивым. И как адмирал из дворца от российского матроза прибыл на пристань и призвал своих всех афицеров подкомандующих и отдал
л. 19 об. приказ такова, || чтоб ко утреннему дню были б все ево корабли приправны, також совсем бы все были в поход в готовности, и приказал питья всякова изготовить. И как будет завтра к нему изо дворца российской матроз с прекрасной королевною Ираклиею и при них будет множество цесарских министров и генералов, которых приказано поить всяким напиткам допьяна. И чтоб так были пьяны, чтоб сами себя не помнили, а им афицерам своим и другим не крепко пить, а приказал быть опасными: „Чего ради вам отдасться вторительный приказ завтрашнего числа".

По отъезде адмирала из дворца российского матроза, той российский матроз Василей прииде к прекрасной королевне Ираклии во особливую ее палату, где она з девицами сидела, и рече ей: „Дражайшая моя государыня, прекрасная королевна Ираклия, сего дня приезжал ко мне ваш адмирал и объявил, что завтрашнего дня он отъезжает
л. 20 в ваше отечество и просил, чтобы мы к нему || для такова отъезду были б и с тобою, государынею моею".

Рече ему прекрасная кралевна Ираклия: „Государь мой любезный и сердцу моему радость и всему моему утешению сладость, драгий, добрый молодец, Василий Иванович, буди воля твоя, государя моего, я тебе не прекословлю. Однако ж вам предъявляю не во гнев, я сумнительна о том, чтоб он, адмирал, чего по-шпионски не учинил, а больше извольте сведома чинить брата вашего, а нашего государя цесаря, что повелит ли тебе к нему без препятствия ехать, понеже того учинить неможно, что к нему по ево прозбе не быть, для того, что он, адмирал, из отечества нашего едет ко отцу моему и скажет отцу моему о том нашем неприятстве. А больше воля твоя о всем надлежит и о том чинить с воли цесарского величества".

И потом российский матроз Василей поехал во дворец к цесарю. И как был у цесаря и беседовал с ним, потом ж и то открыв все цесарю, что ево просил адмирал. Потом цесарь рече: „Любезный мой
л. 20 об. брат, надлежит тебе для своей чести быть, о чем он, адмирал, || при бытности своей королю флоренскому оное объявить". Тогда российской матроз рече: „Государь мой великий цесарь, я вашему величеству объявляю: опасен, чтоб он, адмирал, шпионски чего не учинил над нами". И цесарь рече: „Любезный мой брат, изволь ехать и с прекрасною королевною без опасения и возми с собою, сколько угодно моих министров и знатных генералов и пажей без сомнения к нему, яко он, адмирал, тебе ничто зло не сотворит". И побывши во дворце у цесаря и поехал в свой дворец. И приехавши объявил королевне Ираклии все подробно, что цесарь присоветовал ехать для провожде-